4/4 6/64

D14 6/64

Библиотека Российскаго Историческаго Музея
№ 8082

БАЛЪ ВЪ КОСТЮМАХЪ

У ГРАФА Н. В. ОРЛОВА-ДЕНИСОВА.

15 февраля (*).

Ночь, съ 15-го на 16-е февраля, пролетѣла волшебнымъ сномъ, въ домѣ Графа Н. В. Орлова-Денисова. Здѣсь, у радушныхъ хозяевъ, веселилось Московское общество. Своенравная фантазія, шутливая и граціозная, одушевила этотъ праздникъ Масляницы.

Съ 10-ти часовъ вечера загорѣлись огнями старинные покои Русскаго боярина на Лубянкѣ. По неизмѣнному обычаю гостепріимнаго дома, звуки музыки, выражая привѣтъ хозяевъ, встрѣчали каждаго званаго на масляничный пиръ. Толпы любопытныхъ гостей мигомъ наполнили гостиныя. По пышнымъ нарядамъ женскимъ разбѣгались глаза. Кажется, уже принято въ нарядныхъ весельяхъ Москвы, чтобы большинство нашихъ дамъ дѣлилось на красавицъ новой Греціи и на напудренныхъ маркизъ XVII вѣка. Одна изъ первыхъ, красотой лица и вкусомъ наряда, казалось, предводила всѣми Гречанками: это была сама возрожденная Греція, но въ

(*) Изъ 5 № Москвитянина 1851 г.

4087

чертахъ свѣжей Русской прелести и нѣги. Въ числѣ юныхъ Гречанокъ сіяла одна, свѣжоразцвѣтшая прелестью лица и выраженіемъ черныхъ глазъ. Французская пудра на этомъ балѣ отбила, однако, славу у Греціи: ей покорились и голова, родившая много прекрасныхъ и своенравныхъ мечтаній и стиховъ, и голубые глаза Русской красавицы, у которой розы тонули въ снѣгѣ пудры, споря съ розами щекъ, и столько милыхъ головокъ, и выразительныхъ глазъ! Между новой Греціей и напудренной Франціей блистали разнообразіемъ и красотой одеждъ, стройно высокая Полька, Албанка, изъ Римскихъ окрестностей, съ томнымъ Русскимъ взглядомъ, Казачка съ Дону въ сребророзовой парчѣ, съ жемчужными косами, богатая Персіанка съ высокимъ Персіаниномъ, русокудрая, рѣзвая Шотландка, роскошная Еврейка, игривая Татарка, жрица Галліи, въ одеждѣ Нормы, и Утренняя Звѣзда подъ небесно-голубымъ покрываломъ — предѣлъ веселій этой чудной ночи, съ звѣздой на челѣ и съ думой въ глазахъ.

Всѣхъ ожидалъ и встрѣчалъ радушный привѣтъ хозяйки. Мы помнимъ въ ней и Албанскую Гречанку, и Баварскую Изабо, и Елисавету, Королеву Англіи; но у себя дома, на званомъ весельи Масляницы, Графиня Наталья Алексѣевна намъ предстала великолѣпной Русской боярыней, въ народной одеждѣ Галицкихъ женъ,

въ остроконечномъ, богатомъ кокошникѣ подъ длинною прозрачною фатою, въ Русскомъ сарафанѣ и тѣлогрѣйкѣ.—Русская красота въ родной одеждѣ еще для насъ прекраснѣе. Улыбка привѣта гостямъ не покидала волшебныхъ устъ ея; ласковыя слова, какъ цвѣты, означали ея слѣдъ; забота доброй хозяйки о своихъ гостяхъ видна была въ каждомъ стройномъ ея движеніи.

Начались сюрпризы. Ихъ открыла кадриль Бретанцевъ. Бретань — этотъ упругой уголокъ народности, устоявшій противъ наплыва однообразной общественности Французской — предложила красивую одежду четыремъ кавалерамъ и дамамъ. Если бы спѣли они еще Бретанскую пѣсенку, да проплясали Бретанскую пляску, очарованіе было бы тогда полнѣе.

Но вотъ спѣшитъ сама безумная Масляница въ гости къ радушнымъ хозяевамъ, съ своею шумною, разнообразною свитой. Ее открываетъ молодой, красивый щеголь-повѣса—самъ Карнавалъ, ведя за руку прекрасную спутницу. Талантъ и радость блистали въ ея глазахъ, а при взглядѣ на нее, кто не вспомнилъ про ея чудный голосъ, звучавшій такъ сладко этой зимою? За Карнаваломъ летѣло Безуміе самою счастливою порой. Тутъ скрывались и дарованіе и рѣзвость. Сколько бѣглаго ума было въ глазахъ у этого Безумія! Карнавалъ овладѣлъ и четырьмя стихіями: здѣсь Огонь горѣлъ глазами и одеждой, скакалъ веселымъ сильфомъ свѣжій и здоровый Воздухъ,

Вода волновалась складками одежды и волновала сердца, а за нею Земля.... Но Землю какъ же не встрѣтить особымъ привѣтомъ улыбки, намъ, земнымъ людямъ? Это же была Земля молодая и веселая новымъ счастіемъ жизни. Алмазно-изумрудный вѣнецъ сіялъ у нея на челѣ. Дорогіе каменья цвѣтами расписывали ея одежду. Пожалуй, можно было на время забыть и о небѣ, глядя на такую землю. Ее велъ черноокой красавецъ, царь Гномовъ: по золоту и драгоцѣннымъ каменьямъ его одежды, это былъ уголокъ самаго завиднаго угла земли, олицетворенный, богатый пріискъ Калифорніи.

Времена года летѣли также за Карнаваломъ: тутъ Весна блистала цвѣтами, а Лѣто мимолетной улыбкой Русскаго лѣта и голубымъ взоромъ, исполнённымъ мысли; тутъ Осень несла кисти винограда въ волосахъ своихъ и зрѣлость думы въ счастливомъ взорѣ, а Зима, въ пушистыхъ хлопьяхъ снѣга и хрустальныхъ льдинахъ, согрѣвала огнемъ очей своихъ.

За Карнаваломъ стремились парами: Пьеро, Арлекинъ, рѣзвый Танецъ, древняя Комедія, Капризъ и фантастическая Химера съ своимъ побѣдителемъ Беллерофономъ. Это была живая, веселая поэма въ лицахъ, съ причудами самой роскошной фантазіи.

Лишь только пронеслась шумнымъ и бойкимъ галопомъ первая часть волшебнаго сна и протанцовала экосезъ, какъ ожиданіе новой нечаян-

ности волновало уже гостей. Отворились двери гостиной. Насѣкомыя везутъ корзину съ живыми цвѣтами. Впереди идутъ четыре Подсолнечника. Услужливая къ общему удовольствію молодежь отказалась на этотъ разъ отъ щегольства и красоты, и для того, чтобы окружить блистательную корзину Феи цвѣтовъ, приняла самый затѣйливый видъ воздушныхъ ея прислужницъ. Тутъ тащилась преуморительная, длинноногая Стрекоза, зелено-мѣдянаго цвѣта, съ чешуйчатымъ, длиннымъ хвостомъ и прозрачными крылышками; тутъ трещала большими крыльями и задѣвала по носамъ неосторожныхъ мужчинъ ночная Бабочка; Пчела, съ золотыми и черными разводами по тѣлу, грозила своимъ жаломъ; тутъ были и Жукъ, и Кузнечикъ, и Букашка, и божья Коровка. Весь этотъ крылатый и жужжащій рой окружалъ пышную корзину, гдѣ въ очаровательной нѣгѣ покоились живые цвѣты — цвѣтъ и прелесть нашего общества. Тутъ красовались и Чайный Цвѣтокъ, упоеніе Русскаго народа, и Ночная красавица, неизмѣнный цвѣтъ бальныхъ ночей, превращаемыхъ въ свѣтлые дни, и живыя, огненно-черныя Анютины глазки, Гвоздика, Анемонъ, Тюльпанъ, Сирень и Роза. А надъ всѣми возвышалась, какъ на тронѣ, сама царица цвѣтовъ идеальная Фея, и щедрой и нѣжной рукою сыпала цвѣты по всему собранію. Душистый дождь падалъ на всѣхъ изъ волшебныхъ рукъ, и всѣ торопились унести съ собою милую

память прекраснаго праздника. Это была другая поэма въ лицахъ, поэма прелестная, граціозная, цвѣтущая, благовонная.

Колесница-корзина проѣхалась по заламъ. Догадливыя насѣкомыя сняли съ нея живые цвѣты и повели ихъ по собранію. Все смѣшалось въ шумныхъ и веселыхъ танцахъ. Запорхали букашки, бабочка, стрекоза, и жучки, и козявки. Запорхали съ ними и цвѣты. Было живо, весело, игриво, шумно, остроумно.

Но вотъ еще шутка. Высокій, бѣлый *Грибъ* пробирается сквозь толпу гостей. Мы сочли его за каламбуръ эпиграмму на *грипъ*, который во всю эту зиму не покидалъ Москвы: такъ и хотѣлось проводить его пословицей: грибъ съѣлъ, откликнуться ему послѣднимъ кашлемъ и насморкомъ, если бы не помѣшала тому еще другая, рѣзвая шутка — Бутылка съ шампанскимъ, которая двигалась по собранію, какъ неизмѣнный другъ и спутникъ всякаго общественнаго и домашняго веселья, другъ, безъ котораго нѣтъ и друзей на этомъ свѣтѣ!

До солнца, какъ слышали мы, длился сонъ волшебной ночи, эта фантазія рѣзвой Масляницы въ лицахъ, этотъ пиръ самаго радушнаго и богатаго угощенія, за который Московское общество, конечно, благодаритъ отъ души добрыхъ, истинно-Русскихъ его хозяевъ.

КОСТЮМИРОВАННЫЯ ЛИЦА.

БРЕТАНСКІЙ КАДРИЛЬ.

Ф. М. Савина.	Л. А. Кирѣевскій.
Е. В. Апухтина.	В. П. Васильчиковъ.
Е. Д. Морозъ.	А. М. Лесотовичъ.
Е. П. Сабурова.	Н. Н. Новиковъ.

CARNAVAL—FOLIE.

Carnaval	Кн. Ек. Н. Обомелекъ.	Л. И. Похвисневъ.
La Folie.	М. А. Ребиндеръ.	Кн. Н. А Долгоруковъ.
Pierrette et Pierrot.	С. Д. Левшина.	Кн. Г Н. Вяземскій.
Arlequin et Arlequine.	Н. К. Сафонова.	Кн. С. П Вадбольскій.
Lutine et Lutin . .	С. А. Черткова.	Кн А. Д. Обомелекъ.
L'Air.	Е. К. Сафонова.	Н. А. Ребиндеръ.
La Terre	Кн В. И. Салтыкова.	С. В. Дурновъ.
Le Feu.	Т. Г. Орфано.	Г. А. Чертковъ.
L'Eau	А. С. Рим.-Корсакова.	В. Н. Невѣдомскій.
Le Printems . . .	Я. Н. Рахманова.	Н. С. Пашковъ.
L'Eté	А. А. Дьякова.	П. А. Скуратовъ.
L'Automne	Н. К. Аверкіева	С. М Загоскинъ.
L'Hiver	А. С. Цурикова.	Б. М. Маркевичъ.
La Danse	Ек Н. Васильчикова.	Н. А. Мамоновъ.
La Comédie. . . .	Е. Ф. Озерова.	С. И Десп. Зеновичъ.
Le Caprice . . .	З И. Крюкова.	А. А. Хлоповъ.
La Chimère. . . Ел.	А. Дашкова. Bellérophon.	В. А. Рѣшетовъ

ОДУШЕВЛЕННЫЕ ЦВѢТЫ.

Фея цвѣтовъ	Е. П Ермолова.
Гвоздика	Е. Н. Муромцова.
Анютины глазки	А. А. Черткова.
Чайный цвѣтъ	В. П. Ермолова.
Belle de nuit	М. А Сухотина.
Анемонъ	Гр. М. А. Соллогубъ
Тюльпанъ	Кн. Е. А. Голицына.
Сирень	Н. А. Нарышкина.
Роза	Кн. А И. Гагарина.
Четыре Подсолнечника.	

НАСѢКОМЫЯ.

Ночная бабочка	Д. Н. Батюшковъ.
Пчела	К Н. Орловъ.
Букашка	Гр. Л. Н. Толстой.
Стрекоза	Кн. С. А Ухтомской.
Бабочка	К. Н. Шупинскій.
Кузнечикъ	Д. П. Еремѣевъ.
Жукъ	Н. Е. Бѣгичевъ.

ВЪ ОСОБЫХЪ КОСТЮМАХЪ БЫЛИ:

Утренней звѣздою	С. И. Рахманова.
Въ Татарскомъ	Кн. Ол. Н. Четвертинская.
Въ Персидскомъ	П. А. Козлова. А. А. Турчаниновъ.
Въ Еврейскомъ	М. А. Калемина.
Въ Шотландскомъ	Ек. А. Олсуфьева.
Въ Казацкомъ	Гр. Л. В. Орлова-Денисова.
Въ Албанскомъ	Гр. С В Толстая.
Въ Венгерскомъ	А. П. Демидова.
Въ Польскомъ	Ек. Д. Свербеева.
Норма	М. А. Новосильцова.

ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ:

Кн. Н. В. Оболенская.	В. Д. Свербеева.
Л. I Ушакова.	М. А. Столыпина.
М. А. Талызина.	Н. А. Ивинская и друг.

МАРКИЗАМИ:

Гр Ел. В. Васильева. Н. С. Пашкова. Гр. Ев. П. Ростопчина и др.